

Куда летят снежинки?

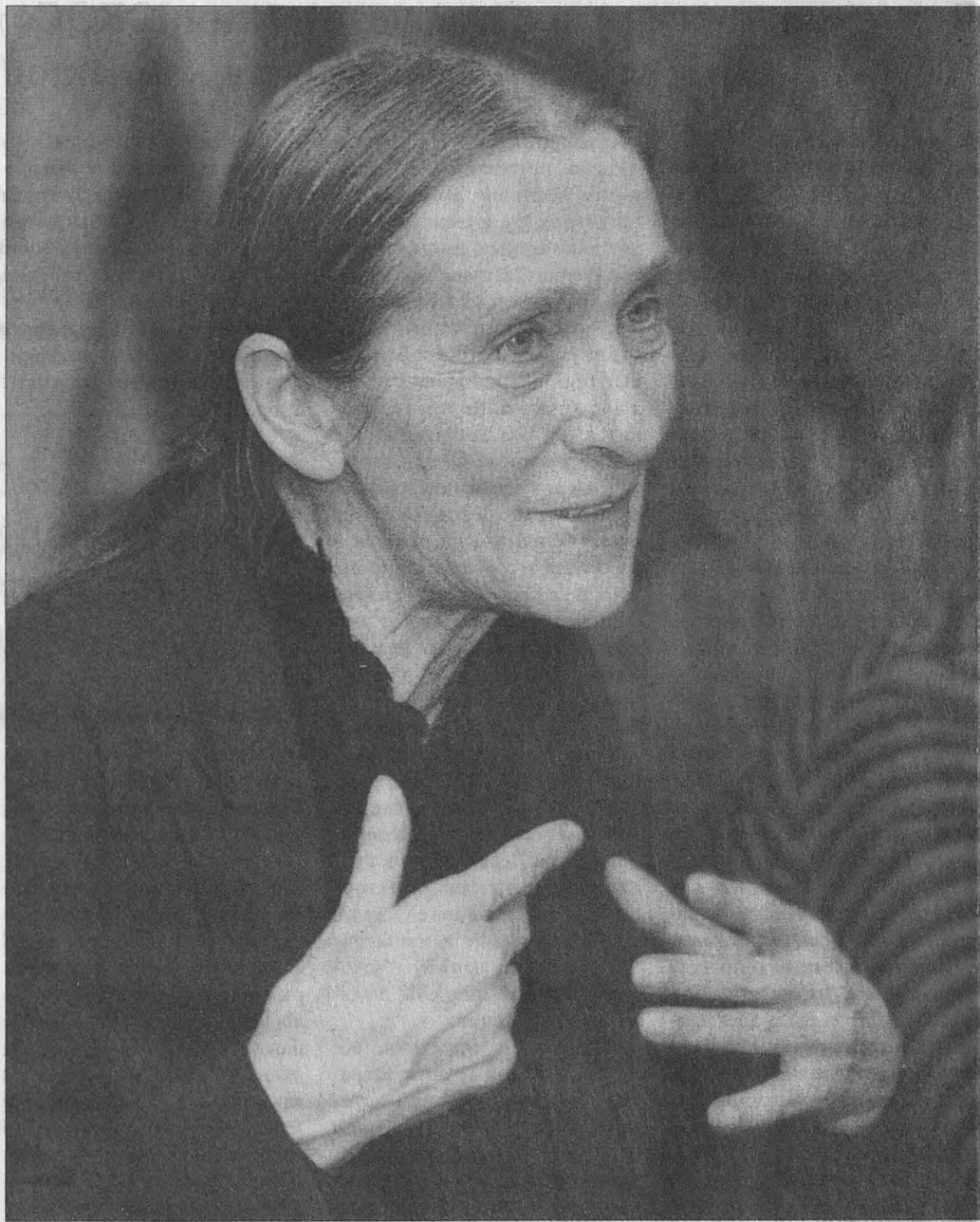
Знаменитый хореограф из Германии в роли Деда Мороза

Майя Крылова

От гастрольного проекта Пины Бауш критики ожидали многого. Постмодернистский коллаж – наверняка. Смещение драмтеатра и танца – очень вероятно. Экспрессионистская изворотливость движений – вполне возможно. Но чего не предвидел никто, так это огушительной нежности, которой переполнен «Мойщик окон» – спектакль, показанный на сцене Театра имени Моссовета. Мой знакомый, вполне прагматичный фотограф, щелкая фотоаппаратом, сиял как ребенок – он хотел запечатлеть неповторимость зрительского чувства, когда современная режиссерская концепция неожиданно похожа на подарок к Новому году.

Знаменитейший во всем мире Вуппертальский театр танца выступал в Москве 11 лет назад. И был фурор: балетная современность резко ворвалась в наш заповедник непуганых классиков. Потом Бауш долго не приезжала, а до нас доходили или немногие пиратские записи ее балетов, или разговоры о том, что цикл спектаклей, сделанных по заказу крупных городов мира (от Рима до Будапешта), не очень удачен и Пина якобы уже не та. «Мойщик окон» развеял все слухи, как борей – утренний туман. Спектакль поставлен в 1997 году тоже по просьбе города – Гонконга: тогда он присоединился к Китаю, и многие театры мира на это откликнулись.

Те, кто думал, будто заказ подразумевает обилие «китайщины» на сцене, жестоко прощитались. Восточная тема на прямую возникает раза два – в начале второго действия, когда про Гонконг что-то коротко говорят и поют местную песню, и в финале, когда на заднике высвечивается огромный кадр – подсвеченные неонам ночные небоскребы с иероглифами на фасадах. Пину Бауш не Гонконг интересует, а, как это ни странно

От Пины Бауш ожидали чего угодно, только не нежности.

Фото Фреда Гринберга (НГ-фото)

ныне звучит, человеческая душа, причем душа в условиях мегаполиса, где существование отдельной личности ежедневно стирается на «нет» самим фактом проживания в социальной мясорубке. Содержание и смысл «Мойщика окон» – мельчайшие нюансы движения разнообразных психик, выраженные в танцах, скетчах, словесных и пласти-

ческих монологах, разговорах с публикой.

Столь ценное Бауш чувство неповторимости человеческих контактов не сработало бы, не будь эти контакты отлично поданы с театральной точки зрения, в череде «настроенческих» картинок. Персонажи спектакля то просты и узнаваемы («как мы с тобой»), то эксцентричны

вплоть до городских сумасшедших. Трущий щеткой пластиковый занавес мойщик окон, по имени которого назван спектакль, – нечто подобное, крошечным пятном висящее на стене высотного дома, наверняка видели в Гонконге артисты Бауш, когда перед постановкой на несколько месяцев ездили в город – вдохнуть местный коло-

рит. Смешной мальчик в очках, предлагающий публике что-нибудь выпить или съесть и тут же приносящий желаемое. Девушка в нелепом платье с еще более нелепым бантом в волосах, клоунски-искренно повторяющая: «Доброе утро, спасибо». Трагикомический монолог испитой неудачницы «в годах» о пользе утренней гимнастики (артистам пришлось выучить огромное количество русского текста). Семифорящие руки солистов, похожие на речь глухонемых (излюбленный прием Бауш). Кисло-сладкие, как жизнь, танцевальные соло: словно взбесился Умиравший лебедь. Смешные мизансцены: то микрофон лизнут, как мороженое, и «съедают» совсем, то некто в очках для подводного плавания всерьез «ныряет» в стакан с водой, то грустный человек раздевается до трусов, чтобы пройти через звенящий металлоискатель, а причиной звона оказывается коронка у него во рту. И, как в незабываемых давних «Гвоздиках» Бауш, гора красных цветочных лепестков на сцене. На горе сидят, лежат и ходят, карабкаются и бросаются с разбега, катаются на попе и на лыжах или просто разбрасывают лепестки по сторонам, тихо повизгивая от радости.

Звучащие в фонограмме бесхитростные хиты всех народов, от португальских фадос до иранских гитарных баллад, усиливают до крещендо настройку спектакля на «маленького человека». Но не все так просто. Воспевания незаметности в духе гоголевской «Шинели» здесь нет и в помине. Собственно, Бауш хочет сказать, что все эти разговоры про человеческие калибры – вранье, по гамбургскому счету. Не бывает людей «больших» и «маленьких». Не должно быть. Есть просто мужчины, женщины и дети. А мир спасется, если люди, как в «Мойщике окон», полюбят смотреть чужие фотографии и иногда думать о том, куда летят снежинки. ■